

УДК 165.731

ББК 87.25:22.1(2)

Эдуард Федорович Караваяев

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры логики, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: EK1549@ek1549.spb.edu

Сергей Юрьевич Коломийцев

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: kolomiitsev@yandex.ru

Идеи конвенционализма в русской науке и философии¹

Аннотация. Рассматривается конвенционализм, возникший в рамках второго позитивизма в европейской философии на границе XIX–XX веков, в его связи с русской наукой и философией. Несмотря на то, что данное направление было популярно и развивалось в основном в западной философии, демонстрируется, что его идеи нашли отражение и в русской культуре. Более того, утверждается, что именно достижения отечественной математики повлияли на возникновение данного направления в европейской философии. Для определения места конвенционализма в русской культуре использованы работы следующих учёных, философов и историков науки: А. Пуанкаре, Н.В. Ефимова, Г.В. Флоровского, П.С. Юшкевича и других. Дается обзор и анализ их основных работ и идей с учетом влияния идеологических и политических факторов на развитие философии в России и СССР в XX веке. Показано, что достижения отечественной математики оказали важное влияние на возникновение конвенционализма, а идеи конвенционализма, в свою очередь, нашли отражение в концепциях отечественных мыслителей, касающихся философии науки и философии истории. Так, Н.И. Лобачевского можно назвать предвестником математического конвенционализма, П.С. Юшкевича и А.А. Богданова – сторонниками естественнонаучного конвенционализма, а Г.В. Флоровского – сторонником исторического конвенционализма. Сделан вывод, что отечественная наука, во-первых, явилась одной из причин возникновения конвенционализма в Европе, а во-вторых, отечественная философия восприняла и применила некоторые его идеи, в частности касающиеся невозможности полного познания мира или относительности способов выражения истины, актуальные и в настоящее время.

Ключевые слова: эмпириокритицизм, второй позитивизм, философия науки, математический конвенционализм, конвенционализм Пуанкаре, геометрия Лобачевского, естественнонаучный конвенционализм Юшкевича, естественнонаучный конвенционализм Богданова, исторический конвенционализм Флоровского

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-011-00398 «Второй позитивизм в России: философская проблематика, влияние, критика». (The publication was released with the RFBR (Russian Foundation for Basic Research) financial support (project № 19-011-00398)).

Eduard Fedorovich Karavaev

Saint Petersburg State University, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Logic, Russia, Saint Petersburg, e-mail: EK1549@ek1549.spb.edu

Sergey Yurjevich Kolomiitsev

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, PhD (Philosophy), PhD in Philosophy, Associate Professor of the department of history and philosophy, Russia, Saint Petersburg, e-mail: kolomiitsev@yandex.ru

Ideas of Conventionalism in Russian Science and Philosophy

Abstract. The paper examines the conventionalism that arose within the framework of the second positivism in European philosophy at the turn of the XIX–XX centuries, in connection with Russian science and philosophy. Despite its being popular and developed mainly in Western philosophy, we demonstrate that its ideas were also reflected in Russian culture. Moreover, we argue that it was the achievements of Russian mathematicians that influenced the emergence of this direction in European philosophy. To determine the place of conventionalism in Russian culture, the works of such scientists, philosophers and historians of science as A. Poincaré, N.V. Efimov, G.V. Florovsky, P.S. Yushkevich and others were used. The article also provides an overview of their main works and ideas. The analysis also deals with the influence of ideological and political factors on the development of philosophy in the XX century in Russia and the USSR. It is shown that the achievements of Russian mathematicians had a significant influence on the emergence of conventionalism, and the ideas of conventionalism, in turn, were reflected in the concepts of Russian thinkers concerning the philosophy of science and the philosophy of history. Thus, N.I. Lobachevsky can be called a harbinger of mathematical conventionalism, some ideas of P.S. Yushkevich and A.A. Bogdanov can be referred to natural-scientific conventionalism, and some ideas of G.V. Florovsky can be called historical conventionalism. We conclude that Russian science, firstly, was one of the reasons for the emergence of conventionalism in Europe, and secondly, Russian philosophy adopted and applied some of its ideas, in particular, concerning the impossibility of complete knowledge of the world or the relativity of ways of expressing truth, which remain relevant today.

Key words: empiriocriticism, positivism, philosophy of science, mathematical conventionalism, conventionalism of Poincaré, geometry of Lobachevsky, natural-science conventionalism of Yushkevich, natural-science conventionalism of Bogdanov, historical conventionalism of Florovsky

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.1.155-168

XIX век оказался плодотворным в истории мировой философии. Трансцендентализм, марксизм, прагматизм, философия жизни – это лишь немногие направления, возникшие в это время и значительно повлиявшие на дальнейшую философию и культуру. Еще одним направлением, возникшим в то время в качестве оппозиции романтическим и метафизическим концепциям, стал позитивизм. Возникнув в 1830-е годы, позитивизм объявил ненаучным и бессмысленным любое знание, которое не опирается на опыт. Так возникло направление, ставшее основой для дальнейшей философии науки.

В своем развитии позитивизм прошел четыре этапа. Мы остановимся на втором из них, в рамках которого в самом начале XX века возник конвенционализм. Данное понятие происходит от слова *convention*, означающего «дого-

вор», «соглашение», «условность». С точки зрения сторонников конвенционализма, в основе науки лежат условные соглашения (конвенции), установленные учеными. Таким образом, согласно конвенционализму, наука описывает не реальные законы окружающего мира, а только соотношения между объектами в природе. В науке могут существовать и даже использоваться несколько различных научных теорий, выбор же одной из них зависит в первую очередь не от ее истинности, а от ее удобства. Тем не менее сторонники конвенционализма не отрицают, что используемые в науке условные соглашения все же должны быть основаны на экспериментальном знании. Некоторые современные исследователи обращают внимание на тот факт, что основная идея конвенционализма – относительность описания – не размывает понятия истины и объективности и не подрывает их центральную роль в наших попытках постижения мира. Описываемые факты в любом случае остаются фактами, и утверждения о них могут быть верными или ложными, подтвержденными или неподтвержденными, вероятными или невероятными, совместимыми или несовместимыми с конкретными утверждениями. Другими словами, относительность описания не противоречит ни реалистическим концепциям истины, ни различию между фактами и условностями².

Концепция конвенционализма соответствует взглядам сторонников эмпириокритицизма, утверждавших, что наука также не может постичь сущность явлений и поэтому должна иметь не объяснительный, а описательный характер. Сторонниками эмпириокритицизма являлись, например, Рихард Авенариус и Эрнст Мах в Европе, Александр Александрович Богданов и Павел Соломонович Юшкевич в России. Идеи конвенционализма продолжают обсуждаться и использоваться также в различных концепциях современной философии и методологии науки.

Основателем конвенционализма принято считать выдающегося французского математика Анри Пуанкаре (1854–1912). Рассматривая аксиомы и постулаты современной геометрии, он обратил внимание на то, что они не являются априорными суждениями, потому что в таком случае неевклидова геометрия не возникла бы и не завоевала бы свою популярность. Аксиомы и постулаты современной геометрии не являются и экспериментальными фактами, потому что идеальные объекты, которыми оперирует геометрия, в природе не существуют, а эмпирические данные сами по себе всегда являются неточными. Отсюда Пуанкаре сделал вывод о том, что положения, лежащие в основе геометрии, являются просто «конвенциями» – условными соглашениями. Безусловно, при их формулировании ученые руководствуются эмпирическими фактами, но главное требование к теории – это ее непротиворечивость. А выбор между различными теориями основывается в первую очередь на удобстве их применения:

² См.: Ben-Menahem Y. *Conventionalism: From Poincare to Quine*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 4 [1].

«Если теперь мы обратимся к вопросу, является ли евклидова геометрия истинной, то найдем, что он не имеет смысла. Это было бы все равно, что спрашивать, какая система истинна – метрическая или же система со старинными мерами, или какие координаты вернее – декартовы или же полярные. Никакая геометрия не может быть более истинна, чем другая; та или иная геометрия может быть только *более удобной*» [2, с. 49], – пишет А. Пуанкаре в «Науке и гипотезе».

Аналогичные рассуждения Пуанкаре применял и к физике, которая, на его взгляд, также базируется на условных соглашениях, аналогичных геометрическим постулатам и аксиомам: «Только по определению сила равна произведению массы на ускорение; вот принцип, который отныне поставлен вне пределов досягаемости любого будущего опыта. Точно так же и действие равно противодействию только по определению. <...> Это – опытная истина, но она не может быть поколеблена опытом» [2, с. 90–91].

Безусловно, геометрия и механика не являются единственными причинами возникновения конвенционализма. С.А. Лебедев обращает внимание на то, что с конца XIX века не только в новых, но и в фундаментальных науках и областях знания стала проявляться онтологическая и методологическая «плюрализация» знания: «Например: в физике это была несовместимость принципов механики Ньютона и электродинамики Максвелла; в химии – соперничество флогистонной теории горения и кислородной теории Лавуазье; в биологии – затянувшееся противостояние эволюционных концепций Ламарка и Дарвина; в оптике – соперничество корпускулярной и волновой теории света; в термодинамике – противостояние концепции теплорода и молекулярно-кинетической теории Больцмана; в геометрии – противоречие между освященной веками евклидовой геометрией и неевклидовыми геометриями Лобачевского и Римана, которые одновременно противоречили друг другу; в арифметике – противоречие между архимедовой и не архимедовой теорией чисел; в алгебре – противоречие между коммутативной и некоммутативной теориями; в теории вероятности – соперничество частотной, логической, диспозиционной и субъективной интерпретаций вероятности» [3, с. 120]. И далее Лебедев пишет: «Для современной философии науки стало очевидным, что при описании процесса научного познания необходимо учитывать не только субъектно-объектные отношения между ученым и познаваемой им реальностью, но и когнитивные коммуникации между членами научного сообщества, особенно при анализе процесса легитимации научного знания как объективного, общезначимого, истинного и полезного. Оказалось также, что необходимыми элементами процесса научного познания являются разнообразные и многочисленные научные конвенции, используемые учеными в качестве опорных точек в процессе конструировании научного знания» [3, с. 121].

Казимир Айдукевич (1890–1963) выражал основную идею конвенционализма следующим образом: «...существуют проблемы, которые нельзя решить

обращением к опыту, откуда не вводятся некоторые конвенции. <...> Конвенции, которые участвуют в решении проблемы, мы можем изменять по нашему усмотрению и, следовательно, получать иные суждения» [4, с. 232]. Польский философ и логик, усиливая данное положение, формулирует следующее утверждение, получившее определение «радикального конвенционализма»: «...не только некоторые, но все суждения, которые мы принимаем и которые образуют картину мира, не определяются однозначно данными опыта, но зависят от выбора понятийного аппарата, с помощью которого мы интерпретируем эти данные. <...> Мы можем выбрать иной понятийный аппарат, на основании которого те же самые опытные данные не требуют признания этих суждений, ибо в новом понятийном аппарате эти суждения вообще не фигурируют» [4, с. 232].

Рудольф Карнап (1891–1970) являлся сторонником принципа «толерантности» (терпимости), согласно которому любой ученый может использовать любой способ описания действительности, являющийся для него наиболее удобным, а единственными требованиями, предъявляемыми к его системе описания, должны быть четкость правил и непротиворечивость самой системы³. Такая позиция сближала Карнапа с умеренным конвенционализмом.

Как мы видим, в методологии науки возможны разные понимания «конвенционализма». В узком смысле «конвенционализм» можно понимать как замену истины соглашениями. В широком смысле «конвенционализм» можно рассматривать как совокупность неклассических теорий истины. Имея в виду изначальное понимание «конвенционализма» в узком смысле, в дальнейшем будем переходить к его пониманию и в широком смысле.

В качестве обоснования «естественности» «конвенционализма» в широком смысле с точки зрения современных исследований в области экономики, психологии и математической статистики можно привести распространенность «вездесущей» случайности и частое неадекватное ее представление в современном познании. Так, например, в работах Даниэля Канемана и Амоса Тверски, а также Нассима Николаса Талеба продемонстрирована чрезмерная необоснованная уверенность людей в собственном знании законов окружающего мира и недооценка роли случайности. По словам Н.Н. Талеба, переоценивая методы, опирающиеся на статистическую обработку данных, мы сами себя «одурачиваем». Метафорическое понятие «Черный лебедь» служит для обозначения такого события, которое является неожиданным (аномальным) и вместе с тем значимым. При этом мы можем, так сказать, «задним числом» объяснить его как вполне логичное и предсказуемое⁴. Примерами таких событий являются: Первая мировая война, распад СССР, распространение Интернета и многие другие. «Черный лебедь» демонстрирует слепоту человека по отноше-

³ См.: Карнап Р. О протокольных предложениях // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М.: Издательский дом «Территория будущего», Идея-Пресс, 2006. С. 320–334 [5].

⁴ См.: Талей Н.Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Изд-во «КоЛибри», 2009. С. 10 [6].

нию к случайности и показывает, что в мире есть некие более важные закономерности, чем те, о которых, как нам кажется, мы что-то знаем.

Даниэль Канеман приводит пример, связанный с рождением последовательности детей разного пола – мальчиков (М) и девочек (Д). Он предлагает рассмотреть три последовательности поочередно родившихся в больнице детей – МММДДД, ДДДДДД, МДММДМ – и сравнить вероятность таких событий. «Интуитивно» (конечно, у каждого читателя свои впечатления) может показаться, что третье событие является более вероятным, а первые два – особенными, претендующими на «исключительность». Более того, эти два события могут даже натолкнуть на мысли о том, что произошедшее неслучайно. Однако такое объяснение, конечно же, будет являться ошибочным: все «цепочки событий» в данных последовательностях являются равновероятными⁵. Данный пример также показывает неверную оценку случайности действительно случайных событий в современном мире⁶.

Конвенционализм в России получил меньшую популярность, чем в Европе. Скорее всего, это можно связать с тем, что в работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», опубликованной в 1909 году, содержалась критика эмпириокритицизма и, в том числе, конвенционализма, которым противопоставлялась позиция материалистов. Пуанкаре Ленин назвал «крупным физиком и мелким философом»⁷, а его философию охарактеризовал так, что ее «достаточно только отметить и пройти мимо»⁸. Несмотря на это, русская мысль хоть и не напрямую, но все же оказалась связанной с конвенционализмом, причем в разных аспектах его развития.

С.А. Лебедев и С.Н. Коськов выявляют три причины, повлиявшие на возникновение конвенционализма и его дальнейшее распространение среди ученых. Первая причина – это открытие и последующее принятие научным сообществом «неевклидовых» геометрий. Вторая причина – обнаружение парадоксов в теории множеств, что привело к появлению сомнения у некоторых ученых в надежности классической математики. Третья причина – появление теории относительности и квантовой механики, в рамках которых были получены теории, отличающиеся от теорий классической физики и казавшиеся наглядно непредставляемыми и интуитивно непонятными⁹.

Рассмотрим первую и, скорее всего, самую главную причину – открытие и принятие «неевклидовой» геометрии. Как известно, первой статьей по «не-

⁵ См.: Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро*. М.: АСТ, 2014. С. 153 [7].

⁶ См.: Караваев Э.Ф., Никитин В.Е. Синергетическая философия истории, случайность, логика, время // *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. 2018. № 1. С. 20 [8].

⁷ См.: Ленин В.И. *Материализм и эмпириокритицизм*. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1986. С. 178 [9].

⁸ Там же. С. 314.

⁹ См.: Лебедев С.А., Коськов С.Н. *Конвенционалистская философия науки // Вопросы философии*. 2013. № 5. С. 59–60 [10].

евклидовой» геометрии была статья русского математика Николая Ивановича Лобачевского (1792–1856) «О началах геометрии», опубликованная в 1829 году. Справедливости ради необходимо отметить два факта. Во-первых, вначале доклады и публикации Лобачевского по «неевклидовой» геометрии не вызвали понимания у научного сообщества. Например, в некоторых отзывах на работу даже говорилось, что она «не заслуживает внимания» и что в ней не хватает «здорового смысла». А во-вторых, независимо от русского ученого над созданием «неевклидовой» геометрии работали и некоторые другие математики. Например, похожую геометрию предложил венгерский математик Янош Бойяи, однако первая публикация его работы на данную тему состоялась лишь в 1832 году. Также идеи, касающиеся создания «неевклидовой» геометрии, примерно в то же время независимо от Лобачевского и Бойяи высказывал немецкий математик Адольф Тауринус, а еще ранее – «король математиков» Карл Фридрих Гаусс, однако последний результаты публиковать не решился.

Объектом внимания Лобачевского стал пятый постулат геометрии Евклида, сформулированный древнегреческим математиком около 300 года до нашей эры. Согласно этому постулату, на плоскости через точку, не принадлежащую данной прямой, можно провести только одну прямую, которая эту прямую не будет пересекать, и новая прямая будет параллельна исходной прямой. Данный постулат привлекал внимание многих математиков и до Лобачевского, поскольку он выделялся на фоне других постулатов своей относительной сложностью. Многие математики пытались вывести его из остальных постулатов, «превратив» в теорему. Лобачевский показал, что пятый постулат не является следствием других аксиом, не может быть из них выведен. Более того, возможна геометрия либо с изменённым пятым постулатом, либо вообще без него¹⁰. Таким образом, Лобачевский предложил новую геометрию, которую назвал «воображаемой» и которая позднее получила название «неевклидовой». Признание к Лобачевскому пришло уже после его смерти, когда появилась интерпретация его геометрии, согласно которой геометрия Лобачевского – это геометрия плоскостей с постоянной отрицательной кривизной. Позднее появилась еще одна «неевклидова» геометрия – геометрия Римана, предложенная немецким математиком Бернхардом Риманом, являющаяся, наоборот, геометрией плоскостей с постоянной положительной кривизной.

В данных геометриях получаются неожиданные с точки зрения классической науки результаты. Если в геометрии Евклида, например, сумма углов в треугольнике обязательно равна двум прямым углам, то есть 180° , то в геометрии Лобачевского она будет всегда меньше 180° , а в геометрии Римана – больше. Если в геометрии Евклида на плоскости через точку, не лежащую на прямой, как уже говорилось выше, можно провести только одну прямую, не пере-

¹⁰ См.: Ефимов Н.В. Николай Иванович Лобачевский (к столетию со дня смерти Лобачевского) // Успехи математических наук. 1956. Т. 11, № 1(67). С. 3–15 [11].

секающую данную прямую, то в геометрии Лобачевского – несколько, а в геометрии Римана – ни одной. В данных вариантах геометрии можно получить и другие противоположные по отношению друг к другу результаты. В связи с этим на границе XIX–XX веков в философии науки возник естественный вопрос: если в разных научных теориях могут быть получены противоположные ответы, то какая из них является истинной? Одним из первых попытался дать ответ на данный вопрос Анри Пуанкаре. Он обратил внимание на следующую дилемму: если математика является субъективной наукой, то почему мы должны ей доверять и применять ее методы при познании мира, а также, более того, почему математические методы становятся в современной науке все более продуктивными? Если же математика является объективной наукой, то какой из вариантов геометрии является тогда «правильным». Говоря иначе, чему «на самом деле» равна сумма углов в треугольнике и сколько «на самом деле» параллельных прямых можно провести через точку, не принадлежащую данной прямой? Ответом на данные вопросы и стало появление такого направления в философии науки, как конвенционализм, а Пуанкаре, помимо прочего, стал автором одной из моделей пространства геометрии Лобачевского. Таким образом, можно заключить, что именно научные открытия Лобачевского содействовали появлению конвенционализма, а самого математика, более того, мы можем назвать предвестником математического конвенционализма – направления, утверждающего, что аксиомы могут не являться «очевидными истинами»: основное требование, предъявляемое к системе аксиом, – это ее *непротиворечивость*.

Идеи конвенционализма нашли свое отражение в философии Павла Соломоновича Юшкевича (1873–1945). Согласно Юшкевичу, познавательная деятельность человека – это соединение фактического (эмпирического) материала и «символического» (созданного человеком). Но эти две характеристики не являются полностью независимыми друг от друга и не существуют сами по себе в «чистом виде». Таким образом, получается, что все знание человека о мире является символическим, а человек – это «символообразующее животное»¹¹. Символы, обозначающие факты, Юшкевич называл «эмпириосимволами», а свою философию – философией эмпириосимволизма.

Таким образом, окружающий мир предстает перед исследователем в виде совокупности символов опыта, символов ощущений, а любое понятие содержит в себе отпечаток психического: «Нет... чистых фактов, абсолютного данного: это абстракция, как и противоположная ей абстракция чистых символов, абсолютного созданного. Есть только эмпириосимволы, разного вида и разной степени символизации... Деление на факты и символы имеет поэтому только условное, практическое значение, показывая только противоположные направления, в которых можно пробегать с одного края до другого непрерывную пси-

¹¹ См.: Бурова М.Л. Образы науки в русской философии XIX–XX веков. СПб.: ГУАП, 2013. 54 с. [12].

хическую гамму. О познании поэтому правильно говорить, что оно эмпириосимволично... Этими эмпириосимволами являются, во-первых, научные понятия, а во-вторых, устанавливаемые между ними отношения, или так называемые законы природы, теории, гипотезы» [13, с. 126].

Эмпириосимволы создают в наших умах упрощенные представления об окружающем мире. Однако не надо забывать, что все они являются лишь символами, созданными человеком, поэтому создание картины мира, отражающей объективную реальность, невозможно, а говорить об истинности научной теории не совсем корректно: «Научная теория ложна, если рассматривать ее как предел движения к данному; но она истинна как показатель приближения к пределу» [13, с. 136]. Любая система символов, то есть любая система научных понятий и теорий, будет всегда приближительна и никогда не будет описывать саму реальность в полной мере.

Выбор системы символов произволен и зависит от предпосылок, а также от удобства. Символы не являются вечными: развитие науки может привести к отбрасыванию устаревших символов (таких, как, например, флогистон, тепловод, эфир) и принятию новых. Такая позиция вполне соответствует идее конвенционализма, на что обращает внимание, например, А.В. Чернышева: «Основная идея П.С. Юшкевича связана с конвенционализмом французского физика А. Пуанкаре и состоит в следующем: общие понятия и отношения между ними... суть символы-конвенции, или эмпириосимволы, не отражающие ничего предметно реального» [14]. Таким образом, Юшкевича можно назвать сторонником естественнонаучного конвенционализма, утверждающего, что научные понятия и теории не описывают объективную реальность и имеют условную природу.

Также черты естественнонаучного конвенционализма можно заметить в «эмпириомонизме» Александра Александровича Богданова (1873–1928) – концепции, развивая которую, он хотел избавиться от недостатков марксизма и эмпириокритицизма и выйти за их пределы¹². В частности, в своей концепции он предложил особое – «эмпириомонистское» – понимание истины. Оно содержит элементы конвенционализма (истина – это результат соглашения), когерентности (истина – это свойство согласованности знаний), прагматизма (истина – это полезность и эффективность знания) и теории истины Ф. Ницше («истина есть тот род заблуждения, без которого некоторый определенный род живых существ не мог бы жить»¹³). Учение Богданова может быть отнесено к «неклассическим» концепциям истины.

Согласно Богданову, истина имеет свой «материальный базис» – технический процесс, который формируется в результате взаимодействия человека с

¹² См.: Jensen K.M. *Beyond Marx and Mach: Aleksandr Bogdanov's Philosophy of Living Experience*. Dordrecht/Boston/London: Reidel, 1978. P. 68 [15].

¹³ См.: Ницше Ф. *Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей*. М.: Культурная Революция, 2005. С. 285 [16].

природой. Следовательно, истина является изменчивой и исторически обусловленной. Богданов предлагает следующее понимание истины: «“Истинность” тех или иных познавательных форм выражается именно в возможности строить на них “практику”, не приходя к противоречию, – т.е., в конечном счете, в их пригодности для координирования действий» [17, с. 42].

Таким образом, положение Богданова об исторической обусловленности любой истины вступает в противоречие с точкой зрения Фридриха Энгельса. Как известно, последний допускал возможность существования простейших (по выражению Богданова, «жалких») абсолютных истин, таких как математические утверждения (например, $2 \times 2 = 4$), законы логики (например, закон тождества $A \equiv A$), констатации единичных фактов (например, «Наполеон умер 5 мая 1821 года») и др. С точки зрения Богданова, даже указанные истины не могут считаться абсолютными и потому неизменными. Утверждение « $2 \times 2 = 4$ » не может считаться абсолютной истиной, во-первых, потому что является тавтологией и не дает ничего нового. Во-вторых, данное утверждение относительно и зависит от выбора системы счисления, которая является конвенциональной, поскольку была изобретена человеком. Например, в троичной системе счисления данное выражение не имело бы смысла, поскольку в ней не существует символа «4», а выражение должно было бы иметь вид « $2 \times 2 = 11$ ». Таким образом, мы приходим к вопросу не об истинности математического выражения, а о том, какую систему счисления мы договоримся считать истинной. Законы логики не могут считаться вечными истинами, поскольку выражают мысль статически, а не в ее динамике, а само по себе утверждение « $A \equiv A$ » ничего не дает. Более того, закон тождества сам по себе является допущением, поскольку в опыте нет ничего тождественного и статичного, а принятие закона тождества за абсолютную истину может привести к ошибкам, связанным со смешиванием тождества символов с тождеством явлений, ими обозначаемых. Утверждение, касающееся точной даты смерти Наполеона, также не может считаться абсолютно истинным, поскольку любая констатация факта зависит от ряда условий. Так, здесь необходимо разобраться как минимум с тремя составляющими: с личностью Наполеона, с физиологическим определением смерти и с исторической датой. Очевидно, что ни одна из них не может считаться абсолютно истинной: о личности Наполеона спорят историки, о понятии смерти спорят врачи и философы, а дата смерти императора определяется на основании свидетельств очевидцев и поэтому имеет конвенциональный характер.

В результате рассмотрения подобных истин мыслитель приходит к выводу: «Для объективной истины надъисторической – критерия нет в нашем “историческом” мире... Истина – это живая организующая форма опыта, она ведет нас куда-нибудь в нашей деятельности, дает точку опоры в жизненной борьбе; разве “банальности”, поскольку они “плоски”, подходят к этой характеристике?» [17, с. VIII]. Основной характеристикой истины является не ее «вечность» и «неизменность», а возможность являться целью совместных действий и ору-

дием достижения этой цели. И подобно тому, как последняя цель означала бы конец движения, то есть прекращение жизни, так и последняя истина предполагала бы конец мышления, то есть окончание научной и творческой деятельности человека¹⁴.

Однако применение идей конвенционализма оказалось продуктивным не только в математических и естественных науках. В.Б. Александров обращает внимание на то, что русский философ Г.В. Флоровский (1893–1979) осмысливал процессы, происходящие в истории, также в духе конвенционализма¹⁵. Флоровский критиковал концепцию историзма (называемую некоторыми философами, например К. Поппером, «историцизмом»), согласно которой человечеством могут быть открыты объективные рациональные законы развития истории. Рассматривая вопрос о том, имеет ли история смысл, Флоровский считал, что утвердительный ответ на него приводит к потере личности, индивидуальности, а человек начинает рассматриваться как один из носителей общей идеи. С точки зрения русского философа, несмотря на то, что исторический процесс управляется Божьим Промыслом, человек не в силах познать смысл истории и открыть законы, ею управляющие: «Когда длинные ряды исторических явлений протекли, и за определенными событиями наступили другие, то, стараясь связать их в своем понимании по принципу причинности, мы склоняемся думать, что достигнутое и было “задачею” стремлений. А между тем, оно лишь выглядит таковым, и выглядит только потому, что случилось» [20, с. 112]. Согласно Флоровскому, все модели развития истории являются лишь конструкциями, договоренностями, созданными учеными для объединения всего многообразия произошедших фактов в единую картину. Данные модели имеют временный статус и не должны претендовать на объяснение объективных законов: «...должно принимать во внимание... что “эволюция” не есть факт, а конструкция, не нечто “данное”, а “привносимое” познающим разумом. “Опыт” дает нам лишь громадную совокупность фактов, многообразие которых мы стараемся преодолеть тем, что – гипотетически – придумываем различные схемы... Они должны быть таковы, чтобы все наличные факты в них удовлетворительно разместились и чтобы они не требовали существования заведомо невозможных фактов (вроде *perpetuum mobile*). Но создаются они все же свободно, творческой интуицией. “Истинность” эволюционной теории означает вовсе не действительное существование эволюционного процесса, а только то, что она представляет собою такого рода схему, которая весьма простым образом позволяет привести в единство факты, видимо, ничего общего между собою не имеющие, и факты не только уже накопленные, но и те, что открываются продолжающимися исследованиями. А наличность непримиряе-

¹⁴ См.: Рыбас А.Е. Александр Богданов: пролегомены к философии эмпириомонизма // Вече. Журнал русской философии и культуры. № 20. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 59–159 [18].

¹⁵ См.: Александров В.Б. Критика историзма в русской религиозной философии // Управленческое консультирование. № 11. 2004. С. 113–121 [19].

мых пока споров между “неодарвинистами”, “неоламаркианцами”, “менделистами” и т. п. говорит, с другой стороны, о том, что для деталей схемы еще не найдена та форма, которая бы хорошо охватывала соответствующий фактический материал. Только что сказанное относится вообще ко всякой научной “теории»» [20, с. 121]. По Флоровскому, в дальнейшем возможно открытие новых фактов, опровержение имеющихся, и это приведет либо к изменению теорий, объясняющих факты, либо к отказу от них. Но это не будет означать, что старая теория была неверной в принципе; это будет означать, что она давала лишь неполное объяснение и что теперь ученые договорились о новой парадигме или научно-исследовательской программе (или о программах), говоря языком постпозитивистов, в рамках которой будут пытаться давать новые объяснения и интерпретации фактов.

Основываясь на сказанном, можно назвать Г.В. Флоровского представителем «исторического конвенционализма» – направления, утверждающего, что законы развития истории не являются объективными и служат лишь для непротиворечивого объединения различных исторических фактов.

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на идеологическое неприятие идей второго позитивизма и, в частности, конвенционализма и отсутствие его теоретиков в России, идеи конвенционализма нашли отражение в отечественной культуре. Становится очевидным, что отечественная мысль повлияла как на возникновение конвенционализма, так и на его развитие, причем это влияние было взаимным и проявлялось на разных этапах его развития и в разных областях философии и науки.

В завершение приведем высказывание Ксенофана, которое также демонстрирует «естественность» конвенционализма – условность суждений человека об устройстве мира и скрытость его истинных законов:

Истины точной никто не узрел и никто не узнает
Из людей о богах и о всем, что я только толкую:
Если кому и удастся вполне сказать то, что сбилось,
Сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает [21, с. 173].

Список литературы

1. Ben-Menahem Y. *Conventionalism: From Poincare to Quine*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 344 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511584404>.
2. Пуанкаре А. Наука и гипотеза // *О науке: научное издание*. М.: Наука, 1990. С. 5–196.
3. Лебедев С.А. Конвенционализм и консенсуализм как эпистемологическая легитимация научного плюрализма // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки*. 2021. № 1. С. 119–129. DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-119-129.
4. Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // *Философские науки*. 1996. № 2. С. 231–254.
5. Карнап Р. О протокольных предложениях // *Журнал «Erkenntnis» («Познание»)*. Избранное. М.: Изд. дом «Территория будущего», Идея-Пресс, 2006. С. 320–334.

6. Талёб Н.Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Изд-во «КоЛибри», 2009. 528 с.
7. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014. 653 с.
8. Караваяев Э.Ф., Никитин В.Е. Синергетическая философия истории, случайность, логика, время [Электронный ресурс] // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2018. № 1. С. 12–32. Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=3088>
9. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1986. 478 с.
10. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Конвенционалистская философия науки // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 57–69.
11. Ефимов Н.В. Николай Иванович Лобачевский (к столетию со дня смерти Лобачевского) // Успехи математических наук. 1956. Т. 11, № 1(67). С. 3–15.
12. Бурова М.Л. Образы науки в русской философии XIX–XX веков. СПб.: ГУАП, 2013. 54 с.
13. Юшкевич П.С. Современная энергетика с точки зрения эмпириосимволизма // Русский позитивизм. СПб.: Наука, 1995. С. 107–164.
14. Чернышёва А.В. Философия культуры русского махизма: эмпириосимволизм П.С. Юшкевича и эврология П.К. Энгельмейера [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник. 2014. Вып. 2. Режим доступа: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/172.html>. DOI: 10.18698/2306-8477-2014-2-172.
15. Jensen K.M. Beyond Marx and Mach: Aleksandr Bogdanov's Philosophy of Living Experience. Dordrecht/Boston/London: Reidel, 1978. 189 p. DOI: 10.1007/978-94-009-9879-7.
16. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.
17. Богданов А.А. Эмпириомонизм. Кн. III. СПб.: Электротечатня товарищества «Дело», 1906. 161 с. + XLVIII
18. Рыбас А.Е. Александр Богданов: пролегомены к философии эмпириомонизма // Вече. Журнал русской философии и культуры. № 20. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 59–159.
19. Александров В.Б. Критика историзма в русской религиозной философии // Управленческое консультирование. 2004. № 11. С. 113–121.
20. Флоровский Г.В. Смысл истории и смысл жизни // Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. С. 104–123.
21. Ксенофан. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Florovskiy, G.V. Smysl istorii i smysl zhizni [The Meaning of History and the Meaning of Life], in *Iz proshlogo russkoy mysli* [From the History of Russian Thought]. Moscow: Agraf, 1998, pp. 104–123.
2. Karnap, R. O protokol'nykh predlozheniyakh [On Protocol Sentences], in *Zhurnal «Erkenntnis» («Poznanie»)*. *Izbrannoe*. Moscow: Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego», Ideya-Press, 2006, pp. 320–334.
3. Poincaré, H. Nauka i gipoteza [Science and Hypothesis], in *O nauke* [About Science]. Moscow: Nauka, 1990, pp. 5–196.
4. Xenophanes. O prirode [About Nature], in *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Ch. I. Ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki* [Fragments of the early Greek philosophers. Part 1. From epic theocosmogonies to the emergence of atomism]. Moscow: Nauka, 1989. 576 p.

5. Yushkevich, P.S. *Sovremennaya energetika s tochki zreniya empiriosimvolizma* [Modern Energy in Terms of Empiriosymbolism], in *Russkiy pozitivizm* [Russian Positivism]. Saint-Petersburg: Nauka, 1995, pp. 107–164.

Individual Works

6. Bogdanov, A.A. *Empiriomonizm. Kniga III* [Empiriomonism. Kniga III]. Saint-Petersburg: Elektropечатnya tovarishchestva «Delo», 1906. 161 p. + XLVIII.

7. Kaneman, D. *Dumay medlenno... reshay bystro* [Thinking, Fast and Slow]. Moscow: AST, 2014. 653 p.

8. Lenin, V.I. *Materializm i empiriokrititsizm. Kriticheskie zametki ob odnoy reaktsionnoy filosofii* [Materialism and Empirio-criticism]. Moscow: Politizdat, 1986. 478 p.

9. Nitsse F. *Volya k vlasti* [The Will to Power]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya, 2005. 880 p.

10. Taleb, N.N. *Chernyy lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti* [The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable]. Moscow: Izdatel'stvo «KoLibri», 2009. 528 p.

(Articles from Scientific Journals)

11. Ajdukiewicz, K. *Kartina mira i ponyatiynny apparat* [The World-Picture and the Conceptual Apparatus], in *Filosofskie nauki*, 1996, no. 2, pp. 231–254.

12. Aleksandrov, V.B. *Kritika istorizma v russkoy religioznoy filosofii* [Criticism of Historicism in the Russian Religious Philosophy], in *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2004, no. 11, pp. 113–121.

13. Efimov, N.V. *Nikolay Ivanovich Lobachevskiy (k stoletiyu so dnya smerti Lobachevskogo)* [Nikolai Ivanovich Lobachevsky (to the Centenary of the Death of Lobachevsky)], in *Uspekhi matematicheskikh nauk*, 1956, vol. 11, no. 1(67), pp. 3–15.

14. Lebedev, S.A. *Konventsionalizm i konsensualizm kak epistemologicheskaya legitimatsiya nauchnogo plyuralizma* [Conventionalism and Consensualism as Epistemological Legitimation of Scientific Pluralism], in *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, 2021, no. 1, pp. 119–129. DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-119-129.

15. Lebedev, S.A., Kos'kov, S.N. *Konventsionalistskaya filosofiya nauki* [Conventionalistic Philosophy of Science], in *Voprosy filosofii*, 2013, no. 5, pp. 57–69.

16. Rybas, A.E. *Aleksandr Bogdanov: prolegomeny k filosofii empiriomonizma* [Aleksandr Bogdanov: Prolegomena to the Philosophy of Empiriomonism], in *Veche. Zhurnal russkoy filosofii i kul'tury*, 2009, no. 20, pp. 59–159.

(Monographs)

17. Ben-Menahem, Y. *Conventionalism: From Poincare to Quine*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 344 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511584404>.

18. Burova, M.L. *Obrazy nauki v russkoy filosofii XIX–XX vekov* [Images of Science in Russian Philosophy of XIX–XX Centuries]. Saint-Petersburg: GUAP, 2013. 54 p.

19. Jensen, K.M. *Beyond Marx and Mach: Aleksandr Bogdanov's Philosophy of Living Experience*. Dordrecht/Boston/London: Reidel, 1978, 189 pp. DOI: 10.1007/978-94-009-9879-7

(Electronic Resources)

20. Chernysheva, A.V. *Filosofiya kul'tury russkogo makhizma: empiriosimvolizm P.S. Yushkevicha i evrologiya P.K. Engel'meyera* [Philosophy of the Russian Mach Culture: P.S. Yushkevich's Empiriosymbolism and P. K. Engelmeyer's Evrology], in *Gumanitarnyy vestnik*, 2014, issue 2. Available at: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/172.html>. DOI: 10.18698/2306-8477-2014-2-172.

21. Karavaev, E.F., Nikitin, V.E. *Sinergeticheskaya filosofiya istorii, sluchaynost', logika, vremya* [Synergetic Philosophy of History, Randomness, Logic, Time], in *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve*, 2018, no. 1, pp. 12–32. Available at: <http://fikio.ru/?p=3088>